

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

РАЗРУШЕНИЕ “АНГЛЕТЕРА”

Довольно часто судьба сводила меня с людьми, знавшими Сергея Есенина лично. В середине 1970-х годов прошлого века я жил в Ленинграде на проспекте Энгельса. В том же подъезде находилась на первом этаже однокомнатная квартира доктора филологических наук Дмитрия Семеновича Бабкина. Он был всего лишь на пять лет моложе Есенина. Учился в Москве, часто посещал поэтические вечера, повидал и познакомился в те годы со многими известными литераторами. Он был преданным поклонником поэзии Сергея Александровича, и вскоре на одном из выступлений он познакомился с ним. Однажды студент Бабкин осмелился даже пригласить знаменитого поэта к своим друзьям-студентам в московское общежитие. Есенин с удовольствием принял это предложение и поехал на трамвае к первокурсникам Московского университета. Читал ребятам в тесной комнатухе стихи, выходил в коридор, чтобы покурить и побалагурить с веселой студенческой компанией, горячо и азартно поспорить о литературе, рассказать о своих поездках и выступлениях в разных городах России и за рубежом. Общение затянулось далеко за полночь, и ребята уговорили поэта заночевать у них. Он согласился.

Прошли многие годы... Дмитрий Семёнович закончил МГУ, защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию. Он трудился в Ленинграде, в Пушкинском Доме. Активно принимал участие в популяризации есенинского наследия. Бабкин мне показывал фотографии, где он запечатлён с сёстрами Есенина на одном из заседаний по изучению жизни и творчества поэта. Не верил он в официальную версию о самоубийстве Есенина. Он был на похоронах поэта, стоял неподалёку от гроба поэта и видел воочию травмы на лице убитого певца рязанских раздолой. Лично я верю Дмитрию Семёновичу, живому свидетелю тех далёких лет.

Размышляя над личной и творческой судьбой Есенина, я пришёл к такому необычному и почти мистическому выводу: именно в городе на Неве он был признан как поэт самими Александром Блоком, подвигшим его на путь служения отечественному слову. Их встреча, как известно, произошла в Петрограде 9 марта 1915 года, когда юный рязанец был принят первым поэтом России у себя дома, на Офицерской улице. Блок высоко оценил дарование Есенина, написав рекомендательные письма поэту Сергею Городецкому и издателю Михаилу Мурашову. Именно с лёгкой руки Александра Блока (который редко кому писал подобные письма) великий Есенин стремительно вошёл в русскую литературу.

И там же, в этом красивейшем городе мира, так загадочно и трагически оборвалась его молодая, полная творческих планов и замыслов жизнь. От первой встречи Есенина с Блоком и до гибели Есенина прошло ровно де-

сять лет и девять месяцев. Срок совсем небольшой. И вот с этой мыслью, ставшей в моём сознании почти неотвязной, я часто приходил к старому зданию гостиницы, носящей в то время, когда в ней погиб поэт, уже иное название, соответствующее новому, советскому времени. Гостиница именовалась “Ленинградской”, но её всё равно в народе называли по-прежнему “Англетером”. Я часто приводил сюда своих друзей, которые приезжали из других городов, в основном, конечно, пишущую братию и почитателей есенинского творчества. Мы поднимались вверх по лестнице мимо статного и вежливого вахтёра. Молчаливо склоняли головы перед дверью рокового пятого номера. Одним из последних, кого я привёл в “Англетер” был замечательный вологодский поэт, друг Николая Рубцова Виктор Коротяев. Не могу удержаться, чтобы не процитировать его удивительные строки о нашем Отечестве:

*Россия — белая — от снега.
И — золотая — от сосны.*

Время бежало... И вот наступили 1980-е годы, а вскоре грянули так называемые “перестроечные” времена. По Ленинграду поползли слухи, что скоро будут сносить гостиницу “Англетер”, а на её месте строить новую — копию старой. Вся советливая общественность города поднялась на защиту святого места России — места гибели её любимого певца. Помню, как около сквера, что напротив гостиницы, стояли щиты и плакаты, призывающие прекратить разрушение здания. Активисты собирали подписи в защиту “Англетера”. Их были тысячи... Я тоже на одном из листов, прикрепленном к щиту, поставил свою подпись. До позднего часа люди не расходились, иные дежурили даже ночью.

Но всё равно протест многих тысяч людей не образумил власти, и они дали “добро” на полный снос здания. И вот рано утром раздался басовитый рык бульдозеров и самосвалов. На глазах большой людской толпы мощные экскаваторы рушили кирпичные стены, а громадные грузовики вывозили с места гибели Есенина тёмно-красное кирпичное крошево. И мелькнула в голове мысль: как напоминает это вспученное крошево затвердевший сгусток расплывшейся крови...

Всё это запечатлено на киноплёнке, а комментарии к отснятому материалу дал Юрий Александрович Паркаев, мой покойный друг, известный московский поэт, коллекционер, исследователь есенинского творчества, приезжавший из Москвы на защиту “Англетера”. При очередной встрече он рассказывал мне, с какими трудностями осуществлялась киносъёмка: начальство артачилося и всячески мешало, изыскивало любой повод, чтобы запретить. И всё же съёмка была сделана и являет собой уникальную видекартину варварского разрушения этого ещё совсем не старого здания, возведённого высококлассными мастерами-каменщиками дореволюционного времени. Даже крепким клямкам экскаваторных ковшей кирпичная кладка поддавалась с трудом.

Конечно, можно было бы найти самое простое решение, чтобы успокоить защитников гостиницы: оставить нетронутым только есенинский номер и вмонтировать его в новое здание. И пример тому — небольшой фрагмент стены старого здания Финляндского вокзала, на который приехал из эмиграции Ленин. Оставить подлинник — благое дело. Последующие поколения оценили бы благородный поступок властей. Но — увы! — “Англетер” был разрушен подчистую. Это происходило как раз в те времена, когда городом управлял некий Валерий Ходырев, ныне мало кому известный, давно забытый функционер, при котором стремительно ветшал и приходил в упадок великий город.

Что творилось в прессе! Она яростно нападала на защитников гостиницы. Достаточно вспомнить один из материалов газеты “Вечерний Ленинград”, где патриотическое движение молодёжи в защиту “Англетера” было подвергнуто жестокому издевательствам. Акция по сносу гостиницы в середине восьмидесятых годов схожа с акциями послереволюционными, когда было разрушено неисчислимое количество храмов и старинных усадеб.

А теперь о новом здании “Англетера”. Оно и в самом деле — копия прежней гостиницы. У входной двери стоит с подобострастным лицом швейцар, одетый, как подобает лакеям, в соответствующую униформу. Около гостиницы — разномастный табун легковых автомобилей, в основном иномарки, а вокруг снуют, как на новогоднем бал-карнавале, холёные лица-маски. Меня как

будто током шибануло, когда я впервые увидел на торце здания “Англетера” мемориальную доску из белого мрамора. Она была разорвана ломаной трещиной, символизирующей преждевременно оборванную жизнь Есенина. Вместо того чтобы укрепить доску, где ей положено быть, — под окном есенинского номера, что было бы вполне логично, — её укрепили на боковой стороне гостиницы. Спрашивается: зачем? Я думаю, только для того, чтобы не портить настроение богатым постояльцам, особенно тем, кто платит валютой.

А соотечественники Есенина, если им необходимо увидеть мемориальную доску поэту, чтобы поклониться и возложить цветы, пусть сворачивают за угол, тем самым не мешая иномаркам мягко подкатывать к центральному входу “Англетера”, куда в конце декабря 1925 года входил молодой и сияющий Есенин. Спустя несколько дней через лабиринты “чёрного” входа тело мёртвого поэта будет вывoločено на казённой гостиничной простыне, и его положат на грубые доски колымаги. Об этом мне рассказывал поэт Всеволод Александрович Рождественский, помогавший нести тело поэта. Он был современником Есенина, поддерживал с ним и творческую, и человеческую дружбу. Всеволод Рождественский в то время, когда я ним встречался, заведовал отделом поэзии журнала “Нева”. В начале 1970-х годов и в последующие годы Всеволод Александрович неоднократно отбирал мои стихи для публикации. Наверное, с его лёгкой руки я и по сей день публикуюсь в этом журнале.

Помню, как однажды Рождественский в тесной комнатке отдела поэзии старческим, глуховатым голосом рассказывал мне: “Когда тело Есенина положили на колымагу, и она стала съезжать с тротуара, то погребальная повозка содрогнулась, её как бы слегка подбросило, и было чётко слышно, как златокудрая голова Есенина ударилась о грубые доски колымаги. Этот сухой, надтреснутый зыбкий звук на какое-то мгновение пронизал холодный воздух. Сердце сжалось от тоски и жалости. . .” Простите, читатели, но я не могу не сказать хотя бы несколько благодарственных слов в память этого ушедшего от нас поэта, одногодка Сергея Есенина. Он был зачастую слишком снисходителен к нам, тогда ещё молодым стихотворцам. Очень деликатно занимался разбором наших стихов, всегда был тактичен, вежлив, интеллигентен. Ну, и ласков, конечно. За что и получил от меня тёплую, как бы домашнюю кличку “Бабушка русской поэзии”. Она моментально прижилась в поэтической среде. И при уличных, случайных встречах поэты спрашивали друг у друга: “Ты был у Бабушки? Она взяла у тебя стихи? Как она себя чувствует?” И от души, весело и заливисто смеялись.

. . . Гибель поэта случилась в ночь с 27 на 28 декабря 1925 года. С воскресенья на понедельник. Именно по воскресным дням Есенин надевал чистую белую рубашку, садился за стол и вдохновенно творил, являя не только России, но и всему просвещённому миру глубину и Божественную силу Русского Слова. Напрашивается вопрос: “Случайно ли, что погиб поэт в этот праздничный Христов день или на исходе этого дня, переходящего в ночь?” И здесь я сошлюсь на Священный Евангельский текст, гласящий: “Всё тайное становится явным”. А, как известно, эта Божественная мудрость всегда находила своё подтверждение, ибо никакая тьма не затмит свет торжествующей Истины.